

Валидация технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности студентов вуза

Маргарита Алексеевна Юрченко *, Александр Евгеньевич Бобер ,
Яна Игоревна Устименко

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1

*Адрес для переписки: yurchenko-maa@ranepa.ru

Аннотация

Актуальность. Рассмотрена актуальная проблема формирования навыков индивидуальной информационной безопасности у студентов вузов в условиях растущих угроз киберпреступности и дезинформации. Обоснована необходимость интеграции навыков индивидуальной информационной безопасности в образовательный процесс как ключевого компонента медиаграмотности.

Материалы и методы. Использованы системный и культурологический подходы. Проведен анализ результатов первого цикла апробации технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности у студентов направления «Международные отношения», а также представлены промежуточные итоги второго цикла апробации на направлениях «Реклама и связи с общественностью» и «Менеджмент организации». Применялись педагогический эксперимент, включенное наблюдение, интроспекция и анализ.

Результаты исследования. Анализ результатов семестрового тестирования показал положительную динамику развития навыков ИИБ в экспериментальных группах по сравнению с контрольными. В частности, в одной из экспериментальных групп (ЭГ1) средний балл вырос с 4,72 до 7,9, а в другой (ЭГ2) – с 3,75 до 4,5. Отмечено снижение стандартного отклонения в экспериментальных группах, что свидетельствует о выравнивании уровня компетенции.

Выводы. Результаты исследования подтверждают валидность предложенной технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности у студентов вузов. Интеграция разработанных методических материалов в образовательный процесс способствует улучшению критической оценки информации, повышению общей медиаграмотности и развитию аналитических компетенций. Приведены перспективы масштабирования технологии на другие уровни образования.

Ключевые слова: диагностика, оценивание, сформированность навыка, информационная безопасность, методическая поддержка, педагогический дизайн, валидация технологии

Благодарности. Благодарим рецензента данного текста за профессиональные комментарии.

Финансирование. Работа выполнена в порядке личной инициативы.

Вклад в авторов: М.А. Юрченко – постановка проблемы исследования, дизайн и организация исследования, отбор материалов, написание черновика рукописи. А.Е. Бобер – проведение исследования, сбор эмпирических данных, обработка данных, анализ результатов эмпирического исследования. Я.И. Устименко – сбор, анализ и систематизация изложенной в научной литературе информации, составление рисунков, составление таблиц, формулировка выводов и результатов исследования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Юрченко М.А., Бобер А.Е., Устименко Я.И. Валидация технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности студентов вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 1. С. 148-166. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-1-148-166>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-1-148-166>

Validation of technology for the formation of individual information security skills for university students

Margarita A. Yurchenko ^{*}, Alexander E. Bober , Yana I. Ustimenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
1 bldg., 82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation

*Corresponding author: yurchenko-maa@ranepa.ru

Abstract

Importance. The pressing issue of developing individual information security (IIS) skills in university students in the face of growing threats from cybercrime and disinformation is considered. The need to integrate IIS skills into the educational process as a key component of media literacy is substantiated.

Materials and Methods. The study employs systemic and culturological approaches. An analysis was conducted of the results of the first cycle of approbation of the technology for developing IIS skills in students majoring in “International Relations,” and interim results of the second approbation cycle in “Advertising and Public Relations” and “Organization Management” programs are presented. Pedagogical experiment, participant observation, introspection, and analysis were used.

Results and Discussion. Analysis of the semester test results demonstrated a positive trend in the development of IIS skills in the experimental groups compared to the control groups. Specifically, in one of the experimental groups (EG1), the average score increased from 4.72 to 7.9, and in another (EG2), from 3.75 to 4.5. A decrease in the standard deviation in the experimental groups is noted, indicating an equalization of the level of competence.

Conclusion. The research results confirm the validity of the proposed technology for developing IIS skills in university students. The integration of the developed methodological materials into the educational process contributes to improving critical assessment of information, increasing overall media literacy, and developing analytical competencies. Prospects for scaling the technology to other levels of education are discussed.

Keywords: diagnostics, assessment, skill mastery, information security, methodical support, instructional design, technology validation

Acknowledgments. We would like to thank the esteemed reviewer of this text for professional comments.

Funding. The work was done on a personal initiative.

Author's Contribution: M.A. Yurchenko – statement of the research problem, design and organization of research, selected materials, writing – original draft preparation. A.E. Bober – investigation, collection of empirical data, data processing, analysis of the results of an empirical study. Ya.I. Ustimenko – has collected analyzed and summarized the data obtained from academic sources, has compiled the figures, has compiled the tables, formulated the conclusions and results of the study.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Yurchenko, M.A., Bober, A.E., & Ustimenko, Ya.I. (2025). Validation of technology for the formation of individual information security skills for university students. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 1, pp. 148-166. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-1-148-166>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Проблема защиты от негативного воздействия информации была вынесена на национальный уровень более 10 лет назад¹, с тех пор она решается главным образом средствами системы образования. В условиях агрессивной информационной среды преподаватель, вне зависимости от своей дисциплинарной направленности, получает добавочный функционал по сопровождению активности обучающихся в ней [1]. То есть фактически педагогика сегодня решает задачу создания и поддержки качества обучающей и воспитывающей среды обучающихся в разрезе общей медиаграмотности и навыков индивидуальной информационной безопасности (далее – ИИБ) в частности. А. Нурматов, декан факультета печатных СМИ и издательского дела Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, утверждает, что «современная молодежь живет в информационных джунглях, воспринимает информацию только визуально, но не анализирует ее. Во-вторых: СМИ занимаются пропагандой, и люди становятся апатичными» (цит. по: [2]).

Несмотря на очевидную актуальность заявленной проблематики, валидизирован-

ных технологий измерения медиаграмотности или ее элементов сегодня не очень много и в РФ, и за рубежом. Среди прочих, в 2022 г. с использованием платформы для оценки цифровой грамотности «Цифровой гражданин» проводилось измерение уровня цифровой грамотности россиян², однако, в контексте навыков ИИБ полученные данные не являются репрезентативными. Инструментарий измерений абсолютного большинства исследований является социологическим (массовые опросы, фокус-группы, анкеты самооценки и пр. [3], он характеризует текущее состояние рассматриваемой ЦА, однако, не верифицирует полученную характеристику и тем более не помогает нам в обучении – при формировании навыков ИИБ.

Современное общество в значительной степени полагается на онлайн-сервисы, учитывая объем данных, генерируемых и хранящихся в Сети на протяжении многих лет, риск стать жертвой киберпреступления или подвергнуться влиянию дезинформации лишь возрастает [4]. Растущая угроза ставит перед политиками и педагогами сложную задачу разработки технологии, способной сбалансировать систему в попытке обеспечения прав и свобод граждан и защиты как их личной информации, так и имиджа государ-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (послед. ред.): принят Государственной Думой 21.12.2010, одобрен Советом Федерации 24.12.2010 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 22.10.2024).

² Уровень цифровой грамотности у россиян в 2022 году вырос до 71 % // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: офиц. сайт. 2023. 30 марта. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/43493/> (дата обращения: 22.10.2024).

ства. В этом отношении навыки ИИБ безусловно включают в себя: а) защиту своего цифрового контента; б) понимание рисков и угроз в цифровых средах; в) знания о мерах безопасности; г) должное внимание надежности и конфиденциальности информации, которую субъект использует и передает (на этом аспекте мы концентрируемся в настоящем исследовании).

Обучающимся важно понимать, что последствия принятых ими решений, основанных на цифровом контенте или движимых им, будут определенным образом отражаться на вовлеченных в коммуникацию контрагентах в зависимости от их способностей, религиозных убеждений, социальных условностей, личных предпочтений и пр. Последствия любой кражи, манипуляции, уничтожения или удаления цифровых активов идентичности в отношении культурного наследия могут быть катастрофическими, в этой связи огромное значение имеет фоновая осведомленность о культурной, этнической и религиозной напряженности в обществе при потреблении любого контента в Сети [5].

Прежде всего, необходимо прояснить цели образования и обучения в области информационной безопасности, уточнив целевые группы в соответствии с различными ролями и потребностями обучающихся, а также понять текущую ситуацию и потребности. Во-вторых, крайне важно разработать механизм оценки сформированности навыков ИИБ. Важность интегрированности технологии формирования навыков ИИБ в курсикулум заключается в том, что это образование проходит через все дисциплины и курсы, так студенты могут не только изучать дисциплину, но и чувствовать практическое применение полученных навыков [6].

В западной образовательной парадигме широко распространены теории, доказывающие, что медиаграмотность, формируемая с помощью определенных «упражнений», может помочь в борьбе со всеми видами манипуляций в цифровых медиа [7]. Отмечается, что развитие медиаграмотности молодежи должно включать не только разви-

тие навыков критического мышления и улучшение когнитивных и метакогнитивных процессов, но и быть направлено на содействие совместному построению знаний через социальное взаимодействие и деятельность, а также активное гражданское участие [8]. Развитие ИИБ особенно актуально в контексте возросшей гражданской активности в цифровом пространстве, выражая свою позицию или включаясь в гражданские инициативы, необходимо помнить о распознавании ложного и/или некачественного контента [9; 10].

О.А. Шамигуловой выделены общие черты исследований по проблеме, среди них: значительная роль социально-гуманитарного знания, критического мышления, связь с правовым аспектом [11]. Исследователем осуществлялась критериальная оценка уровня сформированности медиаграмотности, для измерения медиаграмотности предложены критерии и показатели, что в нашем контексте является слишком широкоориентированным инструментарием. Более того, мы не поддерживаем позиционирование формирования медиаграмотности средствами внеучебной деятельности, поскольку, являясь положительной и поддерживающей инициативой, оно не интегрировано в образовательный процесс и ситуативно, то есть целевая аудитория выборочно охвачена предлагаемыми мероприятиями.

Г.Г. Еркибаева, Л.П. Илларионова и А.Е. Ерзакова предложили разработку в сходном проблемном поле. Ученые апробировали технологию развития критического мышления студентов вузов [12], однако, фактически речь на самом деле шла зачастую не про критическое мышление в целом, а именно про навыки ИИБ. Коллеги провели по одному тематическому занятию в трех разных методиках. В качестве диагностики до занятия и после предлагался одноименный авторский тест на уровень медиаграмотности формата МС, состоящий как из общетеоретических вопросов, так и из мини-кейсов. Хотя тест можно считать валидным в отношении медиаграмотности, оговоримся, что

он не проверяет сформированность навыков ИИБ, что составляет лауну для нашего исследования.

К.С. Мацулева провела констатирующий педагогический эксперимент в школьной среде, в ходе которого респондентам было предложено семь новостей и дано задание определить, какие из них фейковые (3 фейк + 4 правдивых новости) [13]. Далее обучающимся предложили выявить критерии правдивой информации самостоятельно, интересно отметить, что предложенные самими учениками критерии коррелируют с алгоритмом КАД М.А. Юрченко, изначально разработанным для студентов вузов [14]. Несмотря на то, что эксперимент не затронул как таковое формирование навыка, исследователь сообщает нам на примере своей выборки о том, что менее половины обучающихся справляются с поставленной задачей.

Н.С. Авдоница апробировала свои разработки для формирования медиаграмотности студентов САФУ им. М.В. Ломоносова, обучающихся по направлению «Журналистика» в течение четырех лет, признавая ядром медиаобразования работу с медиатекстом [15]. Практические задания по своей природе были ориентированы на навыки ИИБ (верификация и фактчекинг, сравнение источников, в том числе зарубежных, изучение методов и приемов пропаганды, этики медиасферы, анализ медиа, создание собственного медиатекста). Исследователь длительно наблюдала за одной и той же ЭГ и КГ и утверждает, что апробированный комплекс показал рост уровня медиаграмотности (80 % на «выходе»), общий положительный эффект разработки не вызывает сомнений. К сожалению, интересующие нас элементы, касающиеся ИИБ, не были рассмотрены подробно и в динамике, также не до конца ясно, каким образом измерялся образовательный эффект.

Таким образом, выявлена нехватка российских исследований, направленных на изучение образовательных эффектов медиаобразования для разных возрастных групп, проблема ИИБ остается актуальной в контексте экспериментально-доказательной парадигмы.

Цель исследования состоит в том, чтобы доказать валидность разработанной технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности.

К задачам исследования отнесены: 1) интерпретация первичного годичного цикла применения технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности у студентов вуза [16]; 2) запуск второго цикла апробации технологии с участием студентов других направлений подготовки (реклама и связи с общественностью; менеджмент организации) и разработка соответствующих комплектов методических материалов (с учетом специфики направления и уровня владения языком); 3) подтверждение валидности технологии для высшей школы; 4) анализ перспектив масштабирования технологии в ссузах и школах.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Наше исследование опирается на принципы системного и культурологического подходов. Образование рассматривается как сложная система передача накопленного опыта следующим поколениям, состоящая из взаимосвязанных компонентов. Исходя из тезиса о том, что индивидуальная информационная безопасность граждан Российской Федерации не только может определять их личное благополучие, но и влияет непосредственно на проявления гражданственности и самосознание, общенациональную идентичность, нами рассматривается краеугольный вопрос о том, является ли предложенная технология универсальной и валидной, а ее положительный эффект, достигнутый в первичном цикле апробации, стабильным и масштабируемым на другие уровни образования. Системный подход помогает понять, как взаимодействие субъектов образовательного процесса влияет на эффективность работы всей системы в части формирования у населения навыков индивидуальной информационной безопасности. Культурологический подход является междисциплинарным по своей природе и акцентирует внимание на

том, как культурные факторы влияют на поведение, восприятие и взаимодействие обучающихся. Особое значение в контексте данного исследования имеют: 1) восприятие культуры как контекста, в котором происходят социальные взаимодействия, формирующие личную и коллективную идентичность; 2) принцип уважения к культурному многообразию и ориентация на его сохранение и поддержку; 3) рассмотрение экзогенных факторов при интерпретации культурных объектов, мест и процессов; 4) использование критического анализа к культурным текстам и практикам в обучении, направленного на выявление скрытых смыслов и идеологий, понимание влияния знаков и символов в разных их воплощениях на общественное сознание.

В исследованиях ИИБ исторически использовался ряд теоретических подходов для изучения того, какие факторы влияют на поведение пользователей, чтобы определить способы улучшения навыков ИИБ [17]: среди этих подходов преимущественно использовались теория мотивации защиты (РМТ) [18–20] и теория запланированного поведения (ТРВ) [21; 22]. Модель «информация-мотивация-поведенческие навыки» (ИМВ) была предложена в 1992 г. для прогнозирования поведения в отношении здоровья, эта модель утверждает, что информация и мотивация являются ключевыми предпосылками для определенного поведения [23]. С конца XX века модель эффективно использовалась для понимания поведения пользователей, а также для разработки образовательных интервенций в различных областях, относительно недавно было предложено использовать модель в контексте безопасности и конфиденциальности [24], модель была протестирована с помощью SmartPLS SEM, доказано, что с ее помощью можно предсказать поведение студентов в отношении их ИИБ [25]. Студенты с более высокой осведомленностью об угрозах, более позитивным отношением к безопасности, более высокой самоэффективно-

стью и знакомые с мерами безопасности демонстрируют более безопасное поведение, что говорит нам о целесообразности дальнейших исследований ИИБ и более детальной проработки нашей технологии.

В образовании наблюдается тенденция перехода от количественных подходов к субъективно-качественным, где сознательное и рефлексивное отношение к образованию становится ценным [26; 27]. При разработке УМК мы придерживались принципов, выверенных в исследовании В.Н. Карташовой, Н.В. Волынкиной и Н.Н. Архангельской [28]: принцип актуальности и подлинности материала, принцип информативности медиаконтента, принцип отраслевой направленности контента, принцип развития личности обучающегося, принцип проективности, принцип проблемности, принцип социокультурной маркированности, принцип речевой интенции. Мы не можем согласиться с принципом соответствия интересам и потребностям ученика и принципом положительной эмоциональности, поскольку новостной контент далеко не всегда вызывает положительные эмоции и истинно интересует обучающихся, однако, нам представляется важным прививание обучающимся ценности «быть в повестке». Мы согласны с необходимостью включения практик осознанности в более широкую учебную программу и культуру образовательной деятельности для развития индивидуального благополучия [27].

Исследование опирается на технологию, разработанную М.А. Юрченко и Е.Н. Бойко в 2023 г. [16], с целью ее валидации Я.И. Устименко и А.Е. Бобером были предложены оригинальные комплекты диагностико-оценочных и учебных материалов при полном сохранении алгоритмов и процедур авторов технологии, а также с опорой на разработанный авторами банк базовых заданий. Лидирующими методами исследования являются педагогический эксперимент, включенное наблюдение, интроспекция и анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задача 1.

С целью выявления стабильности эффекта, определяющей валидности технологии, направленной на формирование навыка, нами было принято решение организовать финальное тестирование после паузы в обучении (летних каникул). Диагностика проведена в цифровом автоматизированном режиме с помощью сервиса Яндекс.Формы, в итоговом диагностическом комплексе материалов выдержана однообразность материалов (отобранны отрывки оригинальных статей, сопровождающиеся иллюстрацией), возможные варианты реакций (формат выбора ответа): 1) этот отрывок полностью ложен; 2) этот отрывок полностью правдив; 3) заголовок обманчив, не коррелирует с содержанием текста (см. табл. 1).

Индивидуальный личный прирост в первом цикле был стабильным у ЭГ во всех трех парах ЭГ-КГ и составил от 20 до 30 % (общая визуализация результатов финального тестирования по группам представлена на рис. 1–3).

Задача 2.

Конечный продукт представляет собой комплексный набор ресурсов, включающий:

- 1) практические задания по распознаванию фальшивых новостей и манипуляций;
- 2) упражнения по проверке СМИ и изображениям;
- 3) сценарии для дискуссий и обсуждений;
- 4) тематические презентации.

Обзорная характеристика комплектов заданий, разработанного по технологии для студентов направления подготовки «Менеджмент организации» и «Реклама и связи с общественностью»

Этапы модуля 1 направлены на поэтапное развитие у студентов навыков поиска, критической оценки и обоснованного выбора достоверных источников информации, необходимого в профессиональной деятельности. Обучение начинается с группового обсуждения важности достоверных источников и примеров последствий, к которым приводит использование ненадежной информации. В рамках интерактивных заданий студенты работают в группах над поиском и первичным отбором материалов по заданным темам, используя как отечественные, так и зарубежные ресурсы, а также развивают навыки эффективного поиска и применения различных инструментов. После этого студенты критически оценивают каждый найденный источник, используя разработанный контрольный

Результаты отложенной диагностики сформированности навыков ИИБ первого цикла апробации

Таблица 1

The 1st approbation cycle delayed IIS diagnostics

Table 1

Количественный результат	Интерпретация	Категории тестируемых (на момент сентября 2024 г.)
0–2 верных ответа	навык не сформирован	– выпускники, всего приняли участие в тестировании 20 студентов ЭГ и 25 студентов КГ; – 4 курс, всего приняли участие в тестировании 18 студентов ЭГ и 19 студентов КГ; – 3 курс, всего приняли участие в тестировании 26 студентов ЭГ и 28 студентов КГ
3–4 верных ответа	навык сформирован слабо	
5–7 верных ответов	навык сформирован на достаточном уровне	
8–10 верных ответов	навык сформирован на высоком уровне	

Источник: составлено авторами на основе данных итоговой диагностики.

Source: compiled by the authors on the final diagnostic data basis.

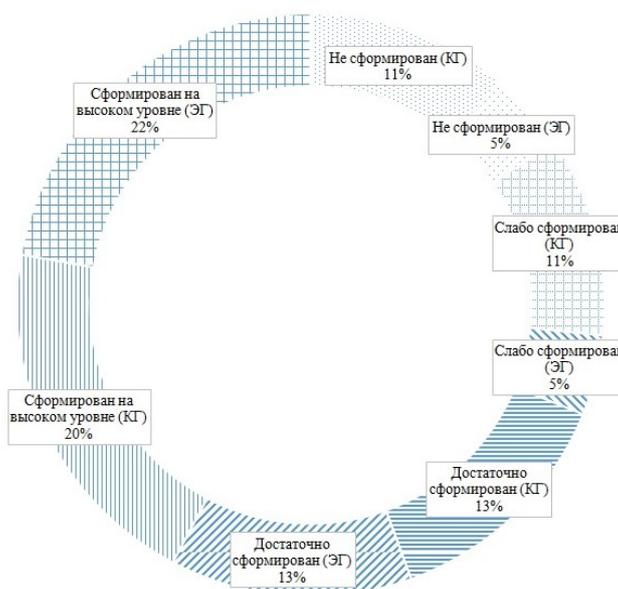

Рис. 1. Результаты финального тестирования ИИБ выпускников
Fig. 1. The results of the final testing of IIS graduates

Источник: составлено авторами на основе тестирования в сервисе Яндекс.Формы
Source: compiled by the authors based on the test in the Yandex.Forms service

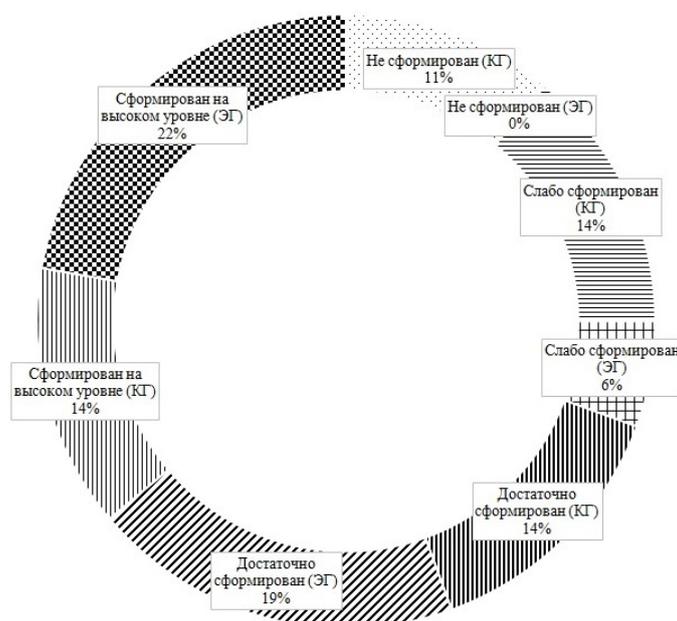

Рис. 2. Результаты тестирования ИИБ 4 курса на начало 2024/2025 учебного года (КГ/ЭГ)
Fig. 2. IIS testing results for the 4th year at the beginning of the 2024/2025 academic year (CG/EG)

Источник: составлено авторами на основе тестирования в сервисе Яндекс.Формы.
Source: compiled by the authors based on the test in the Yandex.Forms service.

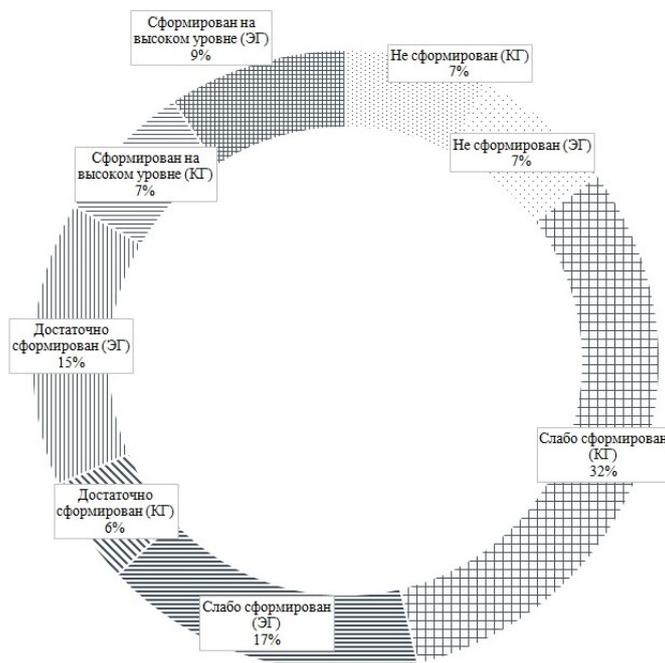

Рис. 3. Результаты тестирования ИИБ 3 курса на начало 2024/2025 учебного года (КГ/ЭГ)
Fig. 3. IIS testing results for the 3rd year at the beginning of the 2024/2025 academic year (CG/EG)

Источник: составлено авторами на основе тестирования в сервисе Яндекс.Формы.
Source: compiled by the authors based on the test in the Yandex.Forms service.

список с критериями, такими как авторитетность и актуальность. Завершает модуль групповая презентация результатов, где студенты обосновывают свой выбор и получают обратную связь от преподавателя и однокурсников. Эти этапы помогают укрепить навыки критического мышления и анализа, а также учат аргументированному отбору информации для использования в профессиональной сфере.

Этапы модуля 2 направлены на систематизацию, сравнительный анализ и критическое осмысление информации, собранной студентами в первом модуле. Сначала студенты организуют собранные данные, распределяя их по ключевым критериям, таким как дата публикации, авторитетность и соответствие теме. С помощью таблиц, диаграмм они наглядно представляют связи и различия между источниками, что облегчает дальней-

ший сравнительный анализ. Затем студенты приступают к сравнительному анализу, оценивая данные по основным аргументам, методологиям и возможным предвзятостям, а также выявляют различия и закономерности в подходах источников. Этот этап помогает им глубже понять культурные и профессиональные особенности рассматриваемых вопросов, а визуальные диаграммы служат основой для последующих групповых обсуждений и презентаций. На заключительном этапе студенты участвуют в командных дискуссиях, где они обосновывают свои выводы, анализируют достоверность выбранных источников и критически оценивают пробелы и предвзятость в данных. Преподаватель поддерживает дискуссии, направляя студентов на критическое осмысление информации и укрепление навыков аргументации.

Примеры заданий модуля 1 для студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью»

Задание 1: Исследование PR

В группах по 3–4 человека студенты выбирают тему для исследования, например, «История PR» или «Этика PR». Задача – отобрать релевантные источники (на русском и иностранных языках) по теме и представить в сопроводительной записке.

Критерии отбора:

- 1) актуальность (не старше 5 лет, соответствие формулировке темы);
- 2) проверяемое происхождение источника (авторство или возможность отследить цифровой след);
- 3) происхождение (оценить дискурсивные различия в подходах к изучаемому явлению).

Шаги для выполнения задания:

1. Наводящие вопросы для анализа содержания: какие ключевые аспекты PR описаны в каждом источнике? Как различные авторы описывают роль PR в политико-экономической сфере?
2. Сравнение подходов в разных лингвокультурах (стиль, терминология, дискурс).

Задание 2: Анализ видеороликов

Студенты работают с 3–5 предлагаемыми видеороликами по теме PR и распознают признаки дипфейков, используя инструменты для проверки подлинности.

Шаги для выполнения задания:

1. Применение инструментов анализа: с помощью онлайн-инструментов определить подлинность видео (например, с помощью InVID).
2. Обсуждение признаков фейков: студенты анализируют, что именно в материале вызывает подозрение (неестественные движения лица, голосовые аномалии и т. д.).

Примеры заданий модуля 2 для студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью»

Задание 1: Создание базы данных источников

Студенты в группах (по 3–4 человека) должны создать таблицу, в которой соберут

данные о выбранных источниках. Таблица должна включать:

- 1) название источника;
- 2) тип источника (статья, видео, отчет);
- 3) основные идеи и тезисы;
- 4) авторитетность (указать авторов и их квалификацию);
- 5) примечания по актуальности и объективности.

Задание 2: Классификация тем

Каждая группа получает набор источников и должна классифицировать их по ключевым темам (например, методы PR, этические аспекты). Студенты должны подготовить краткие описания для каждой темы, объясняя, почему она важна в контексте PR.

Задание 3: Сравнение подходов к PR

Студенты выбирают три разных источника по теме «Роль PR в формировании общественного мнения». Каждая группа должна:

- 1) сравнить и контрастировать основные идеи и подходы;
- 2) выделить культурные и исторические контексты, которые могут влиять на представленные взгляды;
- 3) подготовить презентацию с выводами о различиях и сходствах в подходах.

Задание 4: Аргументация и защита

После анализа каждая группа готовит аргументы, обосновывающие их выводы, и защищает свою точку зрения в формате дебатов. Остальные студенты могут задавать вопросы и давать комментарии по представленным аргументам.

Задание 5: Обсуждение результатов

Студенты собираются в свои группы для обсуждения процесса сбора и анализа данных. Они должны ответить на вопросы:

- 1) что получилось хорошо?
- 2) какие трудности возникли при анализе данных?
- 3) как можно улучшить процесс в будущем?

Задание 6: Индивидуальная рефлексия
Каждый студент пишет короткий отчет о своих впечатлениях от работы в группе и о том, как опыт взаимодействия повлиял на их понимание темы PR. В этом отчете студенты

должны выделить один урок, который они извлекли из модуля, и предложить идеи для будущих исследований.

Примеры заданий модуля 1 для студентов направления подготовки «Менеджмент организации»

Задание 1: Поиск фейковых новостей

Студентам предлагается найти по одной фейковой новости на русском и на английском языке, которые касаются бизнеса, экономики, технологий или других сфер, связанных с менеджментом. Далее студенты должны описать, почему они считают новость фейковой (например, по заголовку, источнику или нестыковкам в содержании).

Задание 2: Определение признаков фейковых новостей

На основе найденных новостей необходимо определить пять главных признаков, которые помогают распознать информацию, вводящую в заблуждение.

Студенты должны составить таблицу, в которой они укажут пять признаков, которые присутствуют в примерах фейков (например, слишком эмоциональный заголовок, отсутствие ссылок на достоверные источники, манипуляции с фактами).

Далее студентам предлагается дискуссия с целью выделения наиболее распространенных признаков ложной информации.

Задание 3: Проверка достоверности изображения

Используя сервисы проверки изображений (например, Google Images или TinEye), студентам необходимо проверить достоверность предоставленного им изображения (несколько настоящих и несколько смонтированных) и составить краткий письменный ответ о происхождении этого изображения и его достоверности.

Примеры заданий модуля 2 для студентов направления подготовки «Менеджмент организации»

Задание 1: Сравнение новостей

Предложите двум студентам из группы найти одну настоящую новость и одну фейковую на одну и ту же тему (например, экономика, технологии, политика). Эти студен-

ты должны будут кратко описать найденные новости, а после поделиться с одногруппниками ссылками, чтобы они могли ознакомиться с материалами самостоятельно. Студенты обсуждают, какая из них настоящая, а какая – фейковая. В ходе дискуссии необходимо сравнить заголовки, стиль текста, наличие фактов и ссылок на достоверные источники. В конце необходимо сформулировать, почему новость, определенная как настоящая, оказалась студентом таковой, а также что заставило студентов засомневаться в достоверности новости, признанной ненастоящей.

Задание 2: Проверка фактов в соцсетях

Студентам в парах предлагается найти один пост в соцсети (на русском языке), который, по их мнению, может быть ложным, и предложить партнеру провести процедуру факт-чекинга.

Задание 3: Презентация по выявлению манипуляций

Задача студентов – в качестве домашнего задания исследовать разные способы манипуляций информацией и в формате групповых проектов (по 3–5 человек) подготовить презентации (по 5–7 минут), в которых они продемонстрируют одногруппникам, как идентифицировать манипуляцию информацией, приводя наглядные примеры. В случае затруднений с поиском новых примеров возможно использовать примеры из заданий 1 и 2.

Помимо групповой презентации, студенты должны представить письменный отчет с кратким изложением результатов сравнительного анализа, на основе которого производится презентация. Отчет должен включать обсуждение основных выводов, сделанных в ходе анализа, и размышления о проблемах, возникших в процессе сравнения данных.

Задача 3.

Первичная диагностика

Я.И. Устименко работала с 18 (ЭГ1 = 11, КГ1 = 7) студентами 2 курса направления подготовки «Реклама и связь с общественностью» в рамках дисциплины «Иностранный язык».

А.Е. Бобер работал с 25 (ЭГ2 = 12, КГ2 = 13) студентами 1 курса направления подготовки «Менеджмент организации» в рамках дисциплины «Иностранный язык».

Вопросы были представлены на русском языке, чтобы обеспечить полное понимание, тест состоял из семи заданий (картинки, текст, видео). Это решение соответствует требованию коммуникативной задачи, поскольку тестирование на английском языке могло бы поставить под угрозу точность ответов из-за языкового барьера. Каждый исследователь предложил своим ЭГ и КГ оригинальный диагностический тест (рис. 4, 5).

Для проведения теста использовалась цифровая платформа Yandex.Forms. Студенты должны были определить, является ли медиаматериал настоящим или поддельным, за каждый правильный ответ начислялся 1 балл (табл. 2, 3).

ОБСУЖДЕНИЕ

Задача 1.

По результатам первого цикла апробации технология продемонстрировала себя как валидная, мы наблюдали и объективную общую динамику в ЭГ по сравнению с КГ, и стабильный личностный прогресс в сформированности навыка. Ограничением исследования на этом этапе явился характер выборки испытуемых – все они были студентами одного направления подготовки, с одной стороны, владеющими иностранным языком на достаточно высоком уровне, с другой стороны, достаточно осведомленными касательно событий в стране и мире в связи со спецификой направления подготовки. Желая валидировать технологию, как минимум для уровня высшего образования, очевидным решением была организация второго цикла апробации с участием студентов других направлений подготовки. Напомним, что базовая гипотеза исследования заключалась в том числе в том, что первокурсники не подходят в качестве целевой аудитории применения технологии по причине пограничного состояния, объясняющегося значительным фокусом на адап-

тацию в новой среде высшей школы в течение первого семестра.

Задача 2.

Необходимо было принять во внимание специфику направления подготовки и составлять комплект с учетом следующих особенностей: 1) будущих профессиональных обязанностей студентов; 2) задания упрощены с лингвистической точки зрения, но остаются содержательным в плане смыслового наполнения. В заданиях используется понятный, доступный английский язык, а основное

Таблица 2
Результаты диагностики ЭГ, КГ
Table 2
Diagnostic results of EG, CG

Группа	Среднее (\bar{x})
КГ1	5,57 балла
ЭГ1	4,72 балла
ЭГ2	3,75 балла
КГ2	3,77 балла

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных первичной диагностики.

Source: calculated and compiled by the authors on the primary diagnostic data basis.

Прогресс по итогам половины цикла (Модуль 1, Модуль 2)

Таблица 3
Результаты семестрового теста ЭГ, КГ
Table 3
Results of the term test EG, CG

Группа	\bar{x}
ЭГ1	7,9 балла
КГ1	5,9 балла
ЭГ2	4,5 балла
КГ2	4,44 балла

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных первичной диагностики.

Source: calculated and compiled by the authors on the primary diagnostic data basis.

внимание уделяется практическим сценариям и наглядным примерам, которые будут актуальны в профессиональной жизни.

Одной из главных проблем при разработке набора ресурсов был относительно низкий уровень владения студентами английским языком. Поскольку курс преподается на английском языке, необходимо было так упростить языковую составляющую занятий, чтобы не жертвовать сложностью концепций информационной безопасности, но добиться понимания ключевых идей. Достичь такого баланса было непросто, поскольку требовалось тщательно подобрать лексику и формулировки, которые позволили бы студентам разобраться с техническими терминами и концепциями безопасности.

Еще одной проблемой было сохранение сугубо практического подхода. Поскольку курс не включает в себя лекции, а сосредоточен на семинарах и дискуссиях, важно было разработать задания, требующие практического участия. Абстрактное теоретическое содержание нужно было свести к минимуму, а вместо этого сосредоточиться на заданиях, моделирующих реальные сценарии, такие как выявление фальшивых новостей или попыток манипуляции медиа. Сложность заключалась в том, чтобы эти задания были достаточно сложными, но при этом оставались выполнимыми на уровне языка и навыков студентов.

Задача 3.

Обсуждение результатов диагностики ЭГ1 и КГ1

В группе ЭГ1 баллы варьируются от 2 до 6, что говорит о значительных различиях в уровне медиаграмотности студентов. Пример тому – студент с минимальным баллом 2, что указывает на сложности в понимании критериев фейкового контента и, возможно, недостаток навыков критического мышления и анализа. Наличие четырех студентов, набравших максимальные 6 баллов, говорит о высоком уровне восприятия медиаконтента у части студентов, но остальные участники группы демонстрируют менее устойчивые результаты.

Напротив, в группе КГ1 все студенты набрали от 5 до 6 баллов, что свидетельствует о более равномерной и последовательной способности участников анализировать медиаматериалы. Отсутствие низких баллов (ниже 5) говорит о том, что все студенты данной группы обладают схожими навыками в области распознавания достоверной информации и демонстрируют уверенное понимание требований к контенту. Стандартное отклонение составило 1,31.

ЭГ2 и КГ2

Из 12 студентов ЭГ2 1 студент смог набрать максимальное количество баллов, что говорит о хорошем понимании того, как отличить поддельный контент от настоящего. Один студент набрал заметно низкий балл – 1, что свидетельствует о трудностях в определении различий. Большинство студентов группы (75 %) набрали от 3 до 5 баллов.

В КГ2 средний балл составил 3,77, что немного выше среднего значения ЭГ2 – 3,75. В этой группе также один студент достиг максимального количества баллов, однако среди участников были и такие, кто набрал лишь 0 баллов. Это указывает на значительное расхождение в уровнях компетенции в распознавании фейковой информации среди студентов этой группы.

Несмотря на небольшие различия в средних результатах, они не являются статистически значимыми, что говорит о схожем уровне навыков в распознавании поддельной информации между двумя группами, поэтому мы можем проанализировать результаты двух групп в целом.

Анализируя обобщенные результаты, средний балл составил 3,76 (из 8). Стандартное отклонение составило 1,69.

Большинство студентов набрали от 3 до 5 баллов, что говорит об умеренном уровне компетенции в различении реальной и поддельной информации. Только один участник набрал полное количество баллов, в то время как несколько студентов продемонстрировали весьма ограниченную способность правильно идентифицировать сфабрикованные материалы, набрав менее трех баллов.

Эти результаты показывают, что студенты в среднем набрали менее 50 % баллов – этот результат отражает существующие трудности в распознавании фейковых материалов. В то же время относительно высокое стандартное отклонение говорит о значительной вариативности способностей студентов.

Результаты первой половины цикла

После завершения обучения для экспериментальной группы было проведено повторное тестирование с целью фиксации прогресса, по результатам которого можно сделать вывод о том, что аналитические навыки студентов экспериментальной группы (ЭГ2) заметно улучшились. Если в начале работы только один студент набрал максимальный балл, то после обучения таких студентов стало трое. Это свидетельствует о росте числа участников, которые уверенно различают поддельный и настоящий контент.

В результате повторного тестирования в паре ЭК-КГ1, в ЭГ1 средний балл вырос с **5,2 до 7,9**. **Минимальный балл** в ЭГ1 также повысился: если на начальном этапе один студент получил всего 2 балла, то после обучения минимальный результат составил 3 балла. Общее стандартное отклонение снизилось с **2,73 до 2,18**, что говорит о выравнивании уровня компетенции в группе.

КГ1 показала меньшее улучшение. Например, на **1 вопрос** число правильных ответов увеличилось с 3 из 8 до 4 из 8, а средний балл вырос незначительно – с **4,2 до 4,5**. Это свидетельствует о недостаточности изменений при отсутствии целенаправленного обучения.

Средний балл в ЭГ2 увеличился с **3,75 до 4,50**, что подтверждает общий прогресс в развитии навыков информационной безопасности. В начале работы большинство студентов (75 %) набрали от **3 до 5 баллов**, что указывало на умеренный уровень компетенции. После обучения диапазон распределения сдвинулся: теперь большинство участников (66,7 %) набрали от **4 до 6 баллов**. Важно отметить, что **минимальный балл в ЭГ2 также повысился**: если на начальном этапе один студент получил всего 1 балл, то после

обучения минимальный результат составил 2 балла. Это указывает на снижение числа студентов с крайне низким уровнем знаний. Общее стандартное отклонение снизилось с **1,69 до 1,38**, что говорит о выравнивании уровня компетенции в ЭГ2. При этом максимальный разброс результатов уменьшился, что подтверждает эффективность применения технологии.

Рост среднего балла в КГ2 может быть связан со случайными факторами, а не с реальным ростом компетенций. Стандартное отклонение увеличилось с 1,19 до 1,34, что указывает на более широкую вариативность в результатах, однако не отражает качественных изменений в уровне навыков. Это подтверждает неизменность способностей участников группы в распознавании поддельного контента вне применения технологии.

Безусловно, определенные ограничения в образовательный процесс вносил относительно невысокий уровень английского языка, которым владели студенты, однако, даже учитывая такие условия и работая с ними, анализ результатов демонстрирует улучшение навыков студентов в различении фейковых материалов, что подчеркивает успешность проведенного обучения.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного обучения студенты продемонстрировали значительные улучшения в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, обучение позволило студентам овладеть методами поиска и критической оценки информации. Это особенно важно для будущих менеджеров, поскольку профессиональная среда требует от них умения работать с качественными данными. Применение инструментов, таких как Google Scholar и Crossref, помогло студентам понять, какие источники можно считать надежными, и как проводить верификацию информации. Практическое задание, связанное с поиском фейковых новостей, дало студентам возможность применить полученные знания в ре-

альной среде, выявляя ключевые характеристики дезинформации.

Во-вторых, обучение способствовало развитию навыков совместной работы. Сравнительный анализ данных и групповые презентации помогли студентам научиться обсуждать и защищать свои точки зрения, формулировать аргументы и критически оценивать мнения других, что позитивно влияет на формирование коммуникативной коммуникации, которая является важным аспектом в профессиональной деятельности менеджера.

В-третьих, обучение также повлияло на уровень критического мышления. Использование структурированных методик анализа научило студентов глубже вникать в материал, подвергать сомнению достоверность информации и рассматривать альтернативные точки зрения. Эти навыки являются базисными для принятия управленческих решений.

Наконец, практическая направленность обучения позволила студентам не только теоретически изучить механизмы верификации данных и предотвращения манипуляций,

но и закрепить их в процессе выполнения реальных задач. Например, задания по проверке достоверности изображений и сравнению новостей позволили попрактиковаться в выявлении фейковой информации по ключевым признакам.

Мы рекомендуем рассмотреть возможность включения в образовательный процесс упражнений на развитие навыков ИИБ, чтобы укрепить их скептицизм в правильном направлении – не слишком доверчивый и не слишком сомневающийся в реальных событиях, ответственный за контент, который производишь и которым делишься. Убеждены, что общая рамка технологии помогает разработать УМК и тестирования, релевантные для конкретной ЦА.

Будущие исследования могут расширить рамку, включив более широкий спектр типов медиа и задействовав больше обучающихся, чтобы глубже изучить тенденции формирования навыков ИИБ.

Список источников

1. *Ши М.* Влияние развития информационного общества на сетевую медиаграмотность студентов // Управление образованием: теория и практика. 2020. № 3 (39). С. 4-10. <https://elibrary.ru/netvmr>
2. *Sherzodkhon K.* The political socialization of the people in Uzbekistan: media presence and the absence of media literacy // International Journal of Media and Communications in Central Asia. 2024. № 4. P. 4-19. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi4.26>
3. *Задорин И.В., Сапонова А.В.* Сравнительный анализ индексов медиаграмотности в странах Центральной Азии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 3. С. 63-89. <https://elibrary.ru/jjfnw>
4. *Seemna P.S., Sundaresan N., Sowmiya M.* Overview of cyber security // International Journal of Advanced Research in Computer and Communication Engineering. 2018. Vol. 7. Issue 11. P. 125-128. <http://doi.org/10.17148/IJARCC.2018.71127>
5. *Rebelo Trindade A., Marques C.G.* Privacy and cyber-security using information systems: a proposal for knowledge, skills, and attitudes // Proceedings of the 2023 International Conference on Information Technology & Systems. Lecture Notes in Networks and Systems. Cham, Springer. 2023. Vol. 1. P. 109-129. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33258-6_11
6. *Li H.* An exploration of information technology security education and training strategies for higher education teaching services // Contemporary Education and Teaching Research. 2023. № 4. Issue 9. P. 434-439. <https://doi.org/10.61360/BoniCETR232014840904>
7. *Soetekouw L., Angelopoulos S.* Digital resilience through training protocols: learning to identify fake news on social media // Information Systems Frontiers. 2022. Vol. 26. P. 459-475. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10240-7>
8. *Liventsova E.Yu., Gorchakova O.Yu., Tolstova M.A.* The role of generation Z media literacy in confronting the destructive value messages of digital media // Перспективы науки и образования. 2024. № 2 (68). P. 24-40. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.2>, <https://elibrary.ru/cperty>

9. *Journell W.* Unpacking Fake News: an Educator's Guide to Navigating the Media with Students. New York: Teachers College Press, 2019. 165 p.
10. *Krutka D.G., Manca S., Galvin S.M., Greenhow C., Koehler M.J., Askari E.* Teaching "against" social media: confronting problems of profit in the curriculum // *Teachers College Record*. 2019. Vol. 121. Issue 14. P. 1-42. <https://doi.org/10.1177/016146811912101410>
11. *Шамигулова О.А.* Информационно-просветительская деятельность как условие формирования медиаграмотности у обучающихся // *Современные проблемы науки и образования*. 2022. № 6-1. С. 48-59. <https://doi.org/10.17513/spno.32259>, <https://elibrary.ru/fjjtml>
12. *Еркибаева Г.Г., Илларионова Л.П., Ерзакова А.Е.* Формирование медиаграмотности на занятии по дисциплине «Методы работы с текстом» // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Педагогика. 2022. № 4. С. 139-148. <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2022-4-139-148>, <https://elibrary.ru/brcfhm>
13. *Мацулева К.С.* Создание медиаклассов в школе, как решение проблем с медиаграмотностью школьников // *International Journal of Professional Science*. 2024. № 1-1. С. 59-65. <https://elibrary.ru/retwvj>
14. *Юрченко М.А.* Основы критического анализа дискурса в высшей школе // *Вестник МГПУ*. Серия: Педагогика и психология. 2024. Т. 18. № 4. С. 94-109. <https://doi.org/10.24412/2076-9121-2024-4-94-109>, <https://elibrary.ru/wsxdqwg>
15. *Авдонина Н.С.* Медиаатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов-журналистов // *Письма в Эмиссия.Оффлайн*. 2021. № 12. Ст. 3017. <https://elibrary.ru/qllsiu>
16. *Юрченко М.А., Бойко Е.Н.* От медиаграмотности к индивидуальной информационной безопасности студентов высшей школы // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2024. № 2 (59). С. 42-49. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2024-2-42-49>, <https://elibrary.ru/vpfdvgr>
17. *Lebek B., Uffen J., Neumann M., Hohler B., Breitner M.H.* Information security awareness and behavior: a theory-based literature review // *Management Research Review*. 2014. Vol 37. № 12. P. 1049-1092. <https://doi.org/10.1108/MRR-04-2013-0085>
18. *Rogers R.W.* A protection motivation theory of fear appeals and attitude change // *Journal of Psychology*. 1975. Vol. 91. Issue 1. P. 93-114. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9915803>
19. *Maddux J.E., Rogers R.W.* Protection motivation and self-efficacy: a revised theory of fear appeals and attitude change // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1983. Vol. 19. Issue 5. P. 469-479. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(83\)90023-9](https://doi.org/10.1016/0022-1031(83)90023-9)
20. *Sommestad T., Karlzén H., Hallberg J.* A meta-analysis of studies on protection motivation theory and information security behavior // *International Journal of Information Security and Privacy*. 2015. Vol. 9. Issue 1. P. 26-46. <http://doi.org/10.4018/IJISP.2015010102>
21. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50. Issue 50. P. 179-211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)
22. *Sommerstad T., Karlzen H., Hallberg J.* The theory of planned behavior and information security policy compliance // *Journal of Computer Information Systems*. 2017. № 59 (4). P. 344-353. <https://doi.org/10.1080/08874417.2017.1368421>
23. *Fisher J.D., Fisher W.A.* Changing AIDS-risk behavior // *Psychological Bulletin*. 1992. Vol. 111. Issue 3. P. 455-474. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.111.3.455>
24. *Crossler R.E., Bélanger F.* The mobile privacy-security knowledge gap model: understanding behaviors // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2017. P. 4071-4080. <http://doi.org/10.24251/HICSS.2017.491>
25. *Farooq A., Jeske D., Isoaho J.* Predicting students' security behavior using information-motivation-behavioral skills model // *34th IFIP International Conference on ICT Systems Security and Privacy Protection (SEC)*. Lisbon, 2019. P. 238-252. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22312-0_17
26. *Owen-Smith P.* The contemplative mind in the scholarship of teaching and learning // *Scholarship of Teaching and Learning*. Indiana, Indiana University Press, 2018. 208 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt200616w>
27. *Ergas O.* Mindfulness in, as and of education: three roles of mindfulness in education // *Journal of Philosophy of Education*. 2019. Vol. 53. Issue 2. P. 340-358. <http://doi.org/10.1111/1467-9752.12349>
28. *Kartashova V.N., Volynkina N.V., Arkhangel'skaya N.N.* Foreign language information media resources selection for future teachers' media literacy development: basic principles // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 1 (61). P. 76-89. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.1.5>, <https://elibrary.ru/sbaciw>

29. Ergas O. A contemplative turn in education: Charting a curricular-pedagogical countermovement // *Pedagogy, Culture & Society*. 2019. Vol. 27. Issue 2. P. 251-270. <http://doi.org/10.1080/14681366.2018.1465111>

References

1. Shi M. (2020). The influence of the information society development on the network media literacy of students. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management: Theory and Practice*, no. 3 (39), pp. 4-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/netvmr>
2. Sherzodkhon K. (2024). The political socialization of the people in Uzbekistan: media presence and the absence of media literacy. *International Journal of Media and Communications in Central Asia*, no. 4, pp. 4-19. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi4.26>
3. Zadorin I.V., Saponova A.V. (2020). Comparing the level of media literacy: a case of Central Asia. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*, vol. 5, no. 3, pp. 63-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jfjfnw>
4. Seemma P.S., Sundaresan N., Sowmiya M. (2018). Overview of cyber security. *International Journal of Advanced Research in Computer and Communication Engineering*, vol. 7, issue 11, pp. 125-128. <http://doi.org/10.17148/IJARCC.2018.71127>
5. Rebelo Trindade A., Marques C.G. (2023). Privacy and cyber-security using information systems: a proposal for knowledge, skills, and attitudes. *Proceedings of the 2023 International Conference on Information Technology & Systems. Lecture Notes in Networks and Systems*. Cham, Springer, vol. 1, pp. 109-129. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33258-6_11
6. Li H. (2023). An exploration of information technology security education and training strategies for higher education teaching services. *Contemporary Education and Teaching Research*, no. 4, issue 9, pp. 434-439. <https://doi.org/10.61360/BoniCETR232014840904>
7. Soetekouw L., Angelopoulos S. (2022). Digital resilience through training protocols: learning to identify fake news on social media. *Information Systems Frontiers*, vol. 26, pp. 459-475. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10240-7>
8. Liventsova E.Yu., Gorchakova O.Yu., Tolstova M.A. (2024). The role of generation Z Media literacy in confronting the destructive value messages of digital media. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, no. 2 (68), pp. 24-40. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.2>, <https://elibrary.ru/cperty>
9. Journell W. (2019). *Unpacking Fake News: an Educator's Guide to Navigating the Media with Students*. New York, Teachers College Press, 165 p.
10. Krutka D.G., Manca S., Galvin S.M., Greenhow C., Koehler M.J., Askari E. (2019). Teaching “against” social media: confronting problems of profit in the curriculum. *Teachers College Record*, vol. 121, issue 14, pp. 1-42. <https://doi.org/10.1177/016146811912101410>
11. Shamigulova O.A. (2022). Information and educational activities as a condition for the formation of media literacy among students. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, no. 6-1, pp. 48-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/spno.32259>, <https://elibrary.ru/fjhtml>
12. Erkibaeva G.G., Illarionova L.P., Erzakova A.E. (2022). Formation of media literacy at the lesson of “methods of working with text”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, no. 4, pp. 139-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2022-4-139-148>, <https://elibrary.ru/brcfhm>
13. Matsuleva K.S. (2024). Creation of media classes at school as a solution to problems with media literacy of schoolchildren. *International Journal of Professional Science*, no. 1-1, pp. 59-65. (In Russ.) <https://elibrary.ru/retwvj>
14. Yurchenko M.A. (2024). Fundamentals of critical analysis of discourse in high school. *Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, vol. 18, no. 4, pp. 94-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-9121-2024-4-94-109>, <https://elibrary.ru/wsxqwg>
15. Avdonina N.S. (2021). Media text as the means of forming media literacy among journalism students. *Pis'ma v Emissiya. Offline = The Emissia. Offline Letters*, no. 12, art. 3017. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qllsiu>

16. Yurchenko M.A., Boiko E.N. (2024). From media literacy to individual information security of university students. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (59), pp. 42-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2024-2-42-49>, <https://elibrary.ru/vpfvgr>
17. Lebek B., Uffen J., Neumann M., Hohler B., Breitner M.H. (2014). Information security awareness and behavior: a theory-based literature review. *Management Research Review*, vol. 37, no. 12, pp. 1049-1092. <https://doi.org/10.1108/MRR-04-2013-0085>
18. Rogers R.W. (1975). A protection motivation theory of fear appeals and attitude change. *Journal of Psychology*, vol. 91, issue 1, pp. 93-114. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9915803>
19. Maddux J.E., Rogers R.W. (1983). Protection motivation and self-efficacy: a revised theory of fear appeals and attitude change. *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 19, issue 5, pp. 469-479. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(83\)90023-9](https://doi.org/10.1016/0022-1031(83)90023-9)
20. Somestad T., Karlzén H., Hallberg J. (2015). A meta-analysis of studies on protection motivation theory and information security behavior. *International Journal of Information Security and Privacy*, vol. 9, issue 1, pp. 26-46. <http://doi.org/10.4018/IJISP.2015010102>
21. Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, issue 50, pp. 179-211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T)
22. Sommerstad T., Karlzen H., Hallberg J. (2017). The theory of planned behavior and information security policy compliance. *Journal of Computer Information Systems*, no. 59 (4), pp. 344-353. <https://doi.org/10.1080/08874417.2017.1368421>
23. Fisher J.D., Fisher W.A. (1992). Changing AIDS-risk behavior. *Psychological Bulletin*, vol. 111, issue 3, pp. 455-474. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.111.3.455>
24. Crossler R.E., Bélanger F. (2017). The mobile privacy-security knowledge gap model: understanding behaviors. *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*, pp. 4071-4080. <http://doi.org/10.24251/HICSS.2017.491>
25. Farooq A., Jeske D., Isoaho J. (2019). Predicting students' security behavior using information-motivation-behavioral skills model. *34th IFIP International Conference on ICT Systems Security and Privacy Protection (SEC)*. Lisbon, pp. 238-252. https://doi.org/10.1007/978-3-030-22312-0_17
26. Owen-Smith P. (2018). The contemplative mind in the scholarship of teaching and learning. *Scholarship of Teaching and Learning*. Indiana, Indiana University Press, 208 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt200616w>
27. Ergas O. (2019). Mindfulness in, as and of education: three roles of mindfulness in education. *Journal of Philosophy of Education*, vol. 53, issue 2, pp. 340-358. <http://doi.org/10.1111/1467-9752.12349>
28. Kartashova V.N., Volynkina N.V., Arkhangelskaya N.N. (2023). Foreign language information media resources selection for future teachers' media literacy development: basic principles. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, no. 1 (61), pp. 76-89. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.1.5>, <https://elibrary.ru/sbaciv>
29. Ergas O. (2019). A contemplative turn in education: Charting a curricular-pedagogical countermovement. *Pedagogy, Culture & Society*, vol. 27, issue 2, pp. 251-270. <http://doi.org/10.1080/14681366.2018.1465111>

Информация об авторах

Юрченко Маргарита Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

ResearcherID: IVH-2077-2023

yurchenko-maa@ranepa.ru

Information about the authors

Margarita A. Yurchenko, Cand. Sci. (Education), Associate Professor of Foreign Languages and Linguistics Department, Siberian Institute of Management Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

ResearcherID: IVH-2077-2023

yurchenko-maa@ranepa.ru

Бобер Александр Евгеньевич, преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0009-0000-6367-4852>
bober-ae@ranepa.ru

Устименко Яна Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0009-0002-3603-9858>
ustimenko-yi@ranepa.ru

Для контактов:

Юрченко Маргарита Алексеевна
yurchenko-maa@ranepa.ru

Поступила в редакцию 19.11.2024
Одобрена после рецензирования 11.02.2025
Принята к публикации 14.02.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Alexander E. Bober, Lecturer of Foreign Languages and Linguodidactics Department, Siberian Institute of Management Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation.
<https://orcid.org/0009-0000-6367-4852>
bober-ae@ranepa.ru

Yana I. Ustimenko, Lecturer of Foreign Languages and Linguodidactics Department, Siberian Institute of Management Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation.
<https://orcid.org/0009-0002-3603-9858>
ustimenko-yi@ranepa.ru

Corresponding author:

Margarita A. Yurchenko
yurchenko-maa@ranepa.ru

Received 19.11.2024
Approved 11.02.2025
Accepted 14.02.2025

The authors has read and approved the final manuscript.